

Айгуль Гулина — корреспондент газеты «Время», г. Нижняя Тура, Свердловская область

«НУ И КУДА ТЫ, КАК ШАЛАВА, ВЫРЯДИЛАСЬ?» Технику безопасности я кому читала?» Несмотря на утро, асфальтовый железнодорожный перрон разогрет как сковородка. У меня горят ступни в закрытых чёрных туфлях, рубашка прилипла к спине, мы словно новобранцы перед прапорщиком вытянулись рядком перед дежурной по вокзалу.

Купите чай и не ворчите на «Китай»

Во время учёбы на журфаке мы работали в летнем студенческом стройотряде проводниками. По направлению профкома нас обучили на ускоренных курсах и заткнули дыры в штатном расписании на время отпусков проводников

Услышанный вердикт, к счастью, относился не ко мне. Женщина в форме отчитывала бесшабашную Гальку, которая в первый рейс надела короткие бархатные шорты и шифоновую блузку без рукавов. «У меня больше нет чёрно-белого!» — огрызнулась Галька, за что была попрошена из строя. Мы сочувственно переглядывались.

«Железнодорожный состав — место повышенной опасности, медленно продолжила наша «прапорщица». — Вы несёте полную материальную ответственность за имущество РЖД, а также за жизнь и здоровье пассажиров. Открытая обувь запрещена, так как вы можете пораниться, подвернуть ногу, или застрять обувью в рельсах. Белая рубашка нужна для того, чтобы вас всегда видел пассажир и мог обратиться за помощью. Юбка нужна, чтобы вы не скакали по лестницам и подножкам, а проверили билеты и с достоинством поднялись в вагон».

КАКИЕ, К ЧЁРТУ, ИНСТРУКЦИИ, когда в голове студенческая романти-

ка и зов больших городов. И пусть мы не попали на блатные южные направления, нас манила северная тайга и пять дней самостоятельного путешествия. Рейс «Уфа — Нижневартовск» принял студенческий десант. Позади месяц вечерних занятий в Железнодорожном техникуме, на тройки сданы экзамены, получены заветные корочки проводников 2-го разряда. Заработать свои собственные деньги, это ли не чудо, в разгар 1990-х!

«Крошка моя, я по тебе скучаю!», рвануло местное радио, Галька, переодетая в огромную мужскую рубашку, пробралась-таки в соседний вагон и тайком корчит рожицы дежурной по вокзалу.

МЫ ТРОНУЛИСЬ. Работа проводника — это не чинно разносить чай. Это огромные тюки с постельным бельём, которые надо закинуть на верхнюю полку, это свёрнутые матрасы, которые, наоборот, надо скинуть с верхних полок, это трехкратное мытье полов за дежурство, топка вагонного бойлера спрессованными брикетами из

опилок, это продажа чая всем, даже тем, кто «со своим», потому что продукция, выданная на реализацию, обратно не возвращается и то, что не продано, проводники оплачивают сами.

Это мытьё туалетов, наконец, и вынос мешков мусора на крупных станциях. Но больше всего меня пугал пульт управления в служебке, где многочисленные лампочки, датчики, тумблеры и кнопки, которые надо переключать по ситуации.

Вентиляция и освещение вагона, подача воды, давление в системах и даже связь с локомотивом — всё может эта огромная приборная доска, но я при ней была абсолютно беспомощна.

— Можешь звать меня Мила, или Милка, — улыбнулась мне компаньонка. По правилам, студенты ездили в паре со штатными проводниками. Садись, — показала она мне на холщовый мешок. «Китай» делать будем.

«КИТАЙ» — ЭТО ПОВТОРНАЯ ПРОДАЖА использованного постельного белья. В начале пути проводник подмечает более или менее аккуратных пассажиров, или тех, кто едет на короткие промежутки. Бельё продаётся всем. После того как пассажир вышел, его комплект аккуратно складывается, иногда сбрызгивается водой и прессуется в стопке других комплектов. Для верности на него нужно сесть сверху, ты выступаешь естественным грузом, а внезапные контролёры не станут приглядываться, на чём ты сидишь. В течение рейса на бельё заполняется ведомость ЛУ («лушка»), куда «Китай» не

попадает. Разница поступает проводнику в карман.

Ещё одно «золотое дно» северных рейсов — зайцы на маленьких станциях. С транспортом в таёжных посёлках плохо, поэтому местные жители ездят на поездах. Безбилетники могут постоять в тамбуре, можно их посадить в служебное купе, в котором живут проводники в течение рейса, на крайний случай предложить полежать на третьей полке, прикрытыми матрасами. Люди соглашались на всё.

ВСЁ ВАГОН — ЭТО МНОЖЕСТВО ОТСЕКОВ И ТАЙНИКОВ ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНОЙ КОНТРАБАНДЫ. На станции «Челябинск» приобреталась «палёная» водка, стоимостью 10 рублей за бутылку, которую перепродавали пассажирам уже за 50 рублей. Ушлые мальчишки из нашего стройотряда, всё багажное отделение в своём купе заняли огромным мешком с рыбой, который попросил перевезти суровый бородатый мужик. А однажды выцыганили все деньги у азартного до карточных игр пассажира.

«Летом хорошо, — задумчиво затягивается сигаретой Мила на стоянке в Сургуте. Я рядом постоянно машу руками, разгоняя мошкарку и комаров. — Сейчас хоть вагон топить не надо. А зимой дадут один мешок угля, и тяни как хочешь. Ночью холодно, один раз у пассажирки волосы к окну примерзли. За бутылку ещё один мешок выпрашиваем.

А если вода в системе замерзла — вообще хана. Мы обязаны трижды в день чай предоставлять. Снег иногда топим, да с чайником всех обносим».

ЧЕМ ДАЛЬШЕ НА СЕВЕР, тем реже становилась тайга, и вот уже до горизонта потянулись рыжие болота с чахлыми сосенками. Да и чёрная башкирская ночь сменилась немеркнувшей застывшей зарёй. Бесконечный полярный день путал наши биологические часы, и сложно было понять, какое-же время суток на данный момент. Восемь часов дежурства, восемь часов сна, под бесконечную качку вагона и от новых впечатлений спалось особенно крепко. Да так, что я пропустила поимку гастролирующего вора, инфаркт одного из пассажиров и дёрнувшего «стоп-кран» нетрезвого shutника. Видимо, 30-летняя Миляуша всё же старалась как старшая сестра оградить меня от рабочих неприятностей, за что ей, конечно, большое спасибо. В других рейсах на студентов вешали недостатки, пожарные штрафовали за просроченные огнетушители, ваховики устраивали коллективную потасовку, а один юный стройотрядовец умудрился отстать от поезда. Влипала в неприятности и я.

Тем не менее мы с восторгом прошли эту взрослую школу жизни. Даже после всех штрафов и удержаний я за месяц работы получила 1700 рублей. Для сравнения: мама-педиатр тогда получала 600 рублей в месяц. На железнодорожную получку я купила огромную восьмикилограммовую дыню, которую мы съели с девчонками-однокурсницами, а полторы тысячи отдала за курсы английского. Это оказалось правильным капиталовложением, что подтвердилось в будущем, но это уже совсем другая история. &